

ОСКАРОНОСНЫЕ КНИГИ

ЧАРЛЬЗ НОРДХОФФ • ДЖЕЙМС НОРМАН ХОЛЛ

МУЖЧИНЫ ПРОТИВ МОРЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСКАРОНОСНОЙ ИСТОРИИ
«МЯТЕЖ НА „БАУНТИ“»

3618 МОРСКИХ МИЛЬ • 41 ДЕНЬ
ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ПЕРЕХОДОВ
НА ОТКРЫТОЙ ШЛЮПКЕ В ИСТОРИИ

ПЕРЕВОД: ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

Джеймс Норман Холл

Мужчины против моря

«Автор»

2026

Холл Д.

Мужчины против моря / Д. Холл — «Автор», 2026

«Мужчины против моря» — это захватывающая вторая часть знаменитой морской трилогии Чарльза Нордхоффа и Джеймса Нормана Холла. Если первая книга рассказывала о самом дерзком мятеже на корабле «Баунти», то этот роман переносит читателя в открытый океан, где разворачивается невероятная драма выживания. В центре сюжета оказывается свергнутый капитан Уильям Блай и преданные ему восемнадцать членов экипажа. Изгнанные взбунтовавшейся командой, они лишены почти всех припасов и вынуждены плыть в крошечной, перегруженной шлюпке. Героям предстоит преодолеть гигантское расстояние в несколько тысяч миль до спасительного берега, борясь с палящим солнцем, нехваткой питьевой воды, штормами, голодом и собственным отчаянием. Авторы мастерски исследуют стойкость человеческого духа, дисциплину и внутреннюю силу перед лицом стихии. Легендарная экранизация первой части трилогии книги «Мятеж на Баунти» (1935) с Кларком Гейблом и Чарльзом Лотоном завоевала премию «Оскар» в главной номинации «Лучший фильм».

© Холл Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	5
ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Норман Холл, Чарльз Нордхофф

Мужчины против моря

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

«Мужчины против моря» — вторая часть знаменитой трилогии Чарльза Нордхоффа и Джеймса Нормана Холла о «Баунти». Если первая книга приводит читателя к самому мятежу и его последствиям, то здесь история сужается до предела: перед нами маленькая открытая шлюпка, восемнадцать человек и огромный океан.

После гибели Джона Нортон на Тофуа капитан Уильям Блай принимает почти безумное решение — вести своих людей к Тимору. Впереди тысячи морских миль, штормы, голод, жажда, болезни и постоянная необходимость рассчитывать каждую крошку хлеба и каждый глоток воды.

Сила этого романа в том, что реальная морская история превращается у Нордхоффа и Холла в напряжённое повествование о человеческой выносливости. Блай здесь уже не только суровый командир из истории мятежа. В открытом океане его дисциплина, навигационное мастерство и способность принимать решения становятся главным условием спасения.

В настоящем переводе я стремился сохранить сдержанный морской ритм оригинала, ясность диалогов и ощущение непрерывного давления стихии. Специальная бонусная часть в конце книги помогает увидеть документальную основу романа, маршрут шлюпки, принципы выживания и дальнейшие судьбы участников перехода.

Эта книга — продолжение истории «Баунти», но одновременно самостоятельный роман о том, как далеко может зайти человек, когда от его воли, знания и товарищества зависит сама жизнь.

Владимир Давыдов

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Уильям Блай — Капитан «Баунти» и командир шлюпки. Жёсткий, требовательный и исключительно опытный моряк; в океанском переходе именно его дисциплина, расчёт и навигационное мастерство становятся главной опорой команды.

Джон Фрайер — Штурман «Баунти». Опытный офицер, отношения которого с Блаем остаются напряжёнными, однако в шлюпке он выполняет свой долг и участвует в общем спасении.

Томас Ледвард и Уильям Коул — Помощник хирурга и боцман — два человека, которые помогают удерживать команду от распада: один следит за состоянием измученных людей, другой поддерживает морской порядок и практическую работу шлюпки.

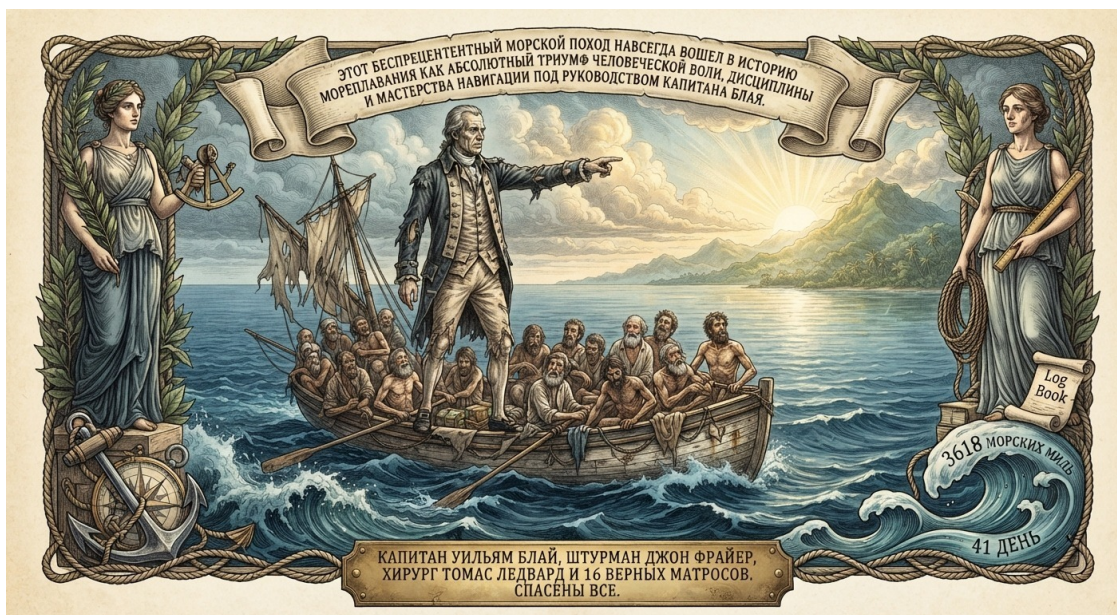
Офицеры и матросы шлюпки — После Тофуа восемнадцать человек связаны общей опасностью. Их голод, усталость, болезни, ссоры и взаимовыручка превращают историю в коллективную драму выживания.

Океан — Фактически ещё один герой романа: то штормовой и яростный, то обманчиво спокойный, он непрерывно испытывает людей и делает каждое решение вопросом жизни и смерти.

Чарльз Нордхофф и Джеймс Норман Холл

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ветер и погода в этом повествовании описаны по собственному судовому журналу капитана Блая. События — те самые, которые он сам столь кратко зафиксировал на его страницах. Мы надеемся, что читатель сможет хотя бы отчасти разделить опасности и лишения, выпавшие на долю этих людей, и ближе узнать тех, кто оказался в шлюпке «Баунти» и под великолепным руководством совершил самое удивительное плавание в открытой лодке, какое только знала история мореплавания.

Дж. Н. Х. , Ч. Н.

ГЛАВА I

Сегодня предали земле моего доброго друга Уильяма Элфинстона. Его похоронили на лютеранском кладбище на восточном берегу реки, менее чем в пяти кабельтовых от госпиталя. Главный хирург Батавии мистер Спарлинг помог мне сесть в лодку, а на берегу уже ждали двое его малайских слуг с носилками, чтобы отнести меня к могиле.

Двое из нашей маленькой компании, истощённые тяготами плавания и потому ставшие лёгкой добычей яванского климата, ушли на это кладбище раньше Элфинстона. Люди они были простого происхождения, но Элфинстон, думаю, не стал бы сетовать на такое соседство: оба были англичанами, достойными этого имени. Ленклеттер служил на «Баунти» квартирмейстером, Холл — коком. Мистер Спарлинг давал им хину и вино и сделал всё, что было в его силах, чтобы спасти их, но они перенесли слишком многое. Мистер Фрайер, штурман, Коул, боцман, и два мичмана, Хейворд и Тинклер, поднялись на четыре мили вверх по реке, чтобы присутствовать на похоронах.

Когда мы отдали последние почести помощнику штурмана, я с огорчением узнал, что сабандар сообщил моим друзьям: завтра они вместе с последними людьми с «Баунти» отплывают в Европу на «Голландии», корабле Голландской Ост-Индской компании. Огорчился я, разумеется, за себя, но за остальных был рад: почти два года они не видели Англии и тосковали по дому не меньше моего. Глубокая язва на ноге, которую тропический климат только усугубил, пока не позволяет мне отправиться в плавание; по мнению мистера Спарлинга, ещё несколько месяцев я буду не в состоянии путешествовать. Я бесконечно благодарен своему голландскому коллеге за его дружбу и прекрасно понимаю, сколь многим ему обязан, но всё же

сейчас берусь за перо, чтобы отогнать чувство одиночества, которое уже начинает овладевать мной в этом далёком краю.

Морской госпиталь устроен превосходно: просторный, удобный, хорошо проветриваемый, он разумно разделён на палаты, каждая из которых представляет собой отдельное помещение, где больных размещают в зависимости от их недуга. Я живу вместе с главным хирургом, в его доме у самого края одного из госпитальных крыльев. Для меня поставили койку на затенённой цветущими кустами и лианами части веранды. Здесь я могу проводить дни, полужёля на подушках, — читать или писать, когда захочется, либо просто сидеть, вытянув перевязанную ногу на стуле и глядя на богатый, пёстрый пейзаж, словно исходящий паром под жарким солнцем. Но теперь, когда товарищи больше не смогут навещать меня, часы потянутся мучительно медленно.

Хозяин мой — добрейший человек и единственный здесь, с кем я могу разговаривать, однако обязанности оставляют ему мало времени для праздной беседы. Его супруга, молодая красавица и племянница господина Вандер Граафа, губернатора Капской колонии, также необыкновенно добра ко мне. Ей едва исполнилось двадцать, и малайские наряды удивительно ей идут: шёлковая парча, драгоценности, густые светлые волосы, высоко уложенные и скреплённые гребнем из инкрустированного черепахового панциря. В сопровождении своих малайских девушек она часто приходит посидеть со мной после полудня. В её голубых глазах я вижу участие и сострадание, когда она смотрит на меня, а затем обращается к служанкам на малайском языке. Я так давно был лишён женского общества, что мне приятно уже просто смотреть на мадам Спарлинг; будь мы способны разговаривать друг с другом, часы и вовсе пролетали бы незаметно.

После похорон мистера Элфинстона я попросил у главного хирурга письменные принадлежности, и принесла их мне его жена. Вскоре она ушла, а до наступления ночи ещё далеко, поэтому я начинаю приводить в порядок свои воспоминания. Надеюсь, эта работа поможет мне скоротать время до тех пор, пока я снова не смогу ходить.

О мятеже на борту вооружённого транспорта Его Величества «Баунти» я скажу немного. Капитан Блай уже составил отчёт о захвате корабля, а господин Тимотеус Ваньон, секретарь губернатора Купанга, перевёл его на голландский язык, чтобы здешние власти могли разыскивать «Баунти», если корабль, что маловероятно, окажется в этих водах. Он подробно расспросил каждого из нас о том, что мы видели и слышали утром в день мятежа, и с моей стороны было бы самонадеянностью излагать собственную версию этих событий. Но о наших последующих приключениях в корабельной шлюпке я вправе рассказать — тем более что мистер Нельсон, ботаник, сообщивший мне в Купанге о намерении сделать то же самое, умер на Тиморе, став первой жертвой перенесённых нами лишений.

Едва ли когда-нибудь прежде в истории мореплавания капитану удавалось совершить нечто более удивительное, чем удалось мистеру Блаю: провести маленькую открытую безоружную шлюпку длиной всего двадцать три фута, настолько перегруженную, что она ежеминутно могла затонуть, от островов Дружбы до Тимора — три тысячи шестьсот миль через архипелаги, населённые свирепыми туземцами, и через огромные пространства неизведанного океана. Восемнадцать человек теснились на банках шлюпки. Сорок один день мы шли под сильными восточными ветрами, почти непрерывно вычерпывая воду, чтобы не затонуть, и днём и ночью терпя проливные дожди. И всё же, если не считать Джона Нортон, убитого туземцами на Тофуа, мы достигли Тимора, не потеряв ни одного человека.

Своими жизнями мы обязаны капитану Блаю — и только ему. Голландской Ост-Индии мы достигли не благодаря чуду, а благодаря руководству человека несгибаемой воли, превосходного моряка, достаточно сурового, чтобы сохранить дисциплину, и сохранявшего спокойствие и бодрость перед лицом опасности. Те, кто прошёл этот путь вместе с ним, будут чтить его имя до конца своих дней.

Утром 28 апреля 1789 года «Баунти» шёл под лёгким восточным ветром; неподалёку виднелся остров Тофуа, входящий в архипелаг Дружбы. Вскоре после рассвета меня разбудили Чарльз Черчилль, корабельный полицейский, и Джон Миллс, помощник канонира. Они сообщили, что Флетчер Кристиан, исполнявший обязанности лейтенанта, вместе с большей частью команды захватил корабль и что мне следует немедленно подняться на палубу. Оба принадлежали к сторонникам Кристиана. Черчилль был вооружён двумя пистолетами, Миллс — мушкетом. Я поспешно оделся, после чего меня отвели на верхнюю палубу. Нетрудно представить, с каким изумлением и недоверием я оглядывался вокруг. Проснуться после спокойного сна и увидеть корабль во власти вооружённых людей, а капитана Блая — пленником среди них было потрясением настолько сильным, что поначалу я едва мог поверить собственным глазам.

Сделать мы ничего не могли. Мятежники полностью овладели кораблём, а тех, кого считали безусловно преданными капитану, охраняли так тщательно, что о сопротивлении нечего было и думать. Мне приказали встать у грот-мачты вместе с Уильямом Элфинстоном, помощником штурмана, и Джоном Нортоном, одним из квартирмейстеров. Нас сторожили двое матросов с мушкетами и примкнутыми штыками. Особенно хорошо помню слова одного из них, Джона Уильямса:

— Стойте здесь, мистер Ледвард. Мы не хотим причинять вам вреда, но, видит Бог, если сделаете хоть шаг к капитану Блаю, мы проткнём вам брюхо!

Мы с Элфинстоном и Нортоном пытались образумить этих людей, но ненависть к капитану Блаю настолько овладела ими, что никакие слова уже не действовали. Сам Блай держался с необыкновенной твёрдостью: сколько бы ему ни угрожали, он не отступал перед негодяями и словно бросал им вызов — пусть попробуют осуществить свои угрозы.

Я простоял у грот-мачты совсем недолго, когда Кристиан, до того распоряжавшийся людьми, охранявшими мистера Блая, передал пленников Черчиллю и ещё четырём или пяти мятежникам, а сам занялся отправкой с корабля тех, кто сохранил верность капитану. Только тогда мы поняли, что они задумали, но времени осознать чудовищные последствия их жестокости и безумия уже не оставалось. На корабле царил полный беспорядок, и несколько раз казалось, что Блая вот-вот убьют прямо на месте.

Первоначально мятежники собирались пустить нас по воле волн в маленьком катере, но его днище оказалось настолько гнилым, что в конце концов их убедили отдать нам большую шлюпку. Несколько человек уже освобождали её от находившихся внутри вещей, готовя к спуску за борт. Пока шла эта работа, я встретился глазами с Кристианом, и он подошёл ко мне.

— Мистер Ледвард, если хотите, можете остаться на корабле.

— Я последую за капитаном Блаем, — ответил я.

— Тогда немедленно отправляйтесь в шлюпку.

— Но, мистер Кристиан, — сказал я, — неужели вы отправите нас без медикаментов? Кроме того, мне необходимо взять кое-что из одежды.

Он окликнул одного из матросов, Мэтью Квинтала:

— Квинтал, отведи мистера Ледварда в его каюту и позволь взять необходимую одежду. Пусть заберёт малый медицинский ящик, но проследи, чтобы из большого он ничего не взял.

После этого Кристиан резко отвернулся и ушёл. Больше я никогда не говорил с этим заблудшим человеком, обрёкшим девятнадцать других людей на лишения и страдания, которые трудно даже вообразить.

Малый медицинский ящик был снабжён ручкой, так что один человек без труда мог его нести. К счастью, я всегда держал его полностью укомплектованным на случай вылазок вдали от корабля. Там имелись хирургические инструменты, губки, жгуты, перевязочные материалы и прочие необходимые вещи, а беглый осмотр показал, что и лекарств в нём было большинство тех, которые могли понадобиться людям в нашем положении.

Квинтал внимательно наблюдал за мной, пока я проверял содержимое. Я положил туда свои бритвы, несколько носовых платков, последний оставшийся пакетик нюхательного табака и полдюжины винных стаканов — впоследствии они оказались нам весьма полезны. Собрав ещё немного одежды, я снова поднялся на верхнюю палубу.

Шлюпка уже была спущена на воду. Капитан Блай, Джон Фрайер, штурман, Уильям Коул, боцман, и многие другие уже находились в ней. У трапа Черчилль остановил меня и проверил медицинский ящик. Затем приказал спускаться, а следом мне передали ящик и узел с одеждой.

Я оказался одним из последних, кто сошёл в шлюпку. После меня туда отправили лишь двоих — мистера Сэмюэла, секретаря капитана, и мичмана Роберта Тинклера. Шлюпка уже настолько глубоко сидела в воде, что и мистер Фрайер, и сам капитан Блай просили больше никого не сажать. Насколько я помню, ещё два мичмана и трое или четверо матросов предположили бы уйти вместе с нами, будь в лодке хоть немного места. К счастью и для нас, и для них, мятежники не позволили им этого сделать: надводный борт в средней части шлюпки составлял всего семь-восемь дюймов.

Всего нас оказалось девятнадцать человек в шлюпке длиной лишь двадцать три фута и шириной шесть футов девять дюймов. Глубина её, насколько помню, составляла два фута девять дюймов. У каждого был узел с одеждой; вместе с запасами продовольствия, которые позволили взять мятежники, всё это создавало опасную перегрузку.

Но тогда нам было ещё не до размышлений о том, насколько отчаянно наше положение. Шлюпку отвели за корму, и ещё около четверти часа мы оставались на буксире. Мятежники выстроились вдоль кормового борта «Баунти», насмехаясь и выкрикивая оскорбления, хотя большая их часть предназначалась мистеру Бляу.

Глядя на них снизу, я невольно спрашивал себя: как мог мятеж, в котором участвовало значительно больше половины команды, быть подготовлен так, чтобы остальные не получили ни малейшего предупреждения? Лично я прежде не замечал среди команды никаких признаков неповиновения. Правда, мне не раз доводилось видеть суровость дисциплинарных мер капитана Блая. Он человек вспыльчивый, строгий и непреклонный во всём, что считает своим долгом, но то же самое можно сказать о большинстве капитанов кораблей на службе Его Величества. Зная необходимость строгой дисциплины на море и своенравный характер матросов, я никогда не считал наказания Блая чрезмерными по сравнению с тем, чего требовали правила и сама морская служба. И мне не казалось, что команда думает иначе.

Теперь же эти люди обнаруживали такую яростную ненависть к нему, что я был поражён. Они осыпали капитана чудовищной бранью.

— Плыви домой, старый ублюдок! — крикнул один.

— Плыви или тони! — подхватил другой. — Чёрт тебя побери, наконец-то мы от тебя избавились!

Третий заорал:

— Больше ты нас не будешь пороть и морить голодом, ты...

Последовала такая вереница ругательств, что лучше их опустить. Однако справедливости ради должен сказать: почти все издевательства и мерзости исходили лишь от четырёх или пяти человек. Другие молча смотрели на нас сверху с каким-то странным оцепенением — словно только теперь начали понимать всю чудовищность преступления, которое совершали.

Нам не оставили никакого оружия для защиты от туземцев, и мы настойчиво просили дать хотя бы несколько мушкетов. В ответ посыпались новые оскорбления. Наконец нам бросили четыре абордажные сабли — и, несмотря на все просьбы, больше ничего. Это привело капитана Блая в такую ярость, что он поднялся во весь рост и высказал негодям всё, чего они заслуживали. Двое или трое матросов направили на него оружие; и я убеждён, что лишь необыкновенная сила его характера удержала их от выстрела.

Мы слышали чей-то крик:

— Отходи и угости их картечью!

В этот момент фалинь шлюпки отдали, и «Баунти» начал медленно удаляться. Я не могу поверить, чтобы даже самые ожесточившиеся из мятежников настолько утратили человеческий облик, что действительно выстрелили бы из пушки по лодке, полной беззащитных людей, хотя некоторые из наших товарищей думали иначе. Мы немедленно взялись за вёсла и стали грести прямо от кормы корабля. Но «Баунти» продолжал идти своим курсом, и вскоре всем стало ясно: от людей на его борту нам больше ничего не угрожает.

На «Баунти» в это время были поставлены нижние паруса и марсели. Ветер едва ощущался, и корабль почти не имел хода. Когда он стал удаляться, мы увидели, как несколько человек бросились наверх распускать брамсели. Крики становились всё тише и вскоре совсем исчезли. Через час корабль находился уже примерно в трёх милях с подветренной стороны, а ещё через час над горизонтом уже не было видно его корпуса.

Я хорошо помню тишину, которая словно хлынула на нас сразу после того, как мы остались одни, — безбрежную тишину открытого океана, нарушаемую лишь слабым скрипом вёсел в уключинах.

На шлюпке гребли шестью вёслами, но она сидела так глубоко, что к острову Тофуа, находившемуся примерно в десяти лигах к северо-востоку, мы продвигались медленно. Фрайер сидел у румпеля. Капитан Блай, мистер Нельсон, помощник штурмана Элфинстон и канонир Пековер разместились на кормовых банках. Остальные теснились там же, где оказались после спуска в шлюпку.

Блай сидел вполоборота, мрачно глядя вслед удалявшемуся кораблю. Думаю, целый час он ни разу не отвёл от него глаз. Казалось, капитан совершенно забыл о нашем присутствии, но никто не произнёс ни слова, чтобы напомнить о себе. Наши мысли были столь же мрачны, как его собственные, и говорить о них не хотелось никому.

Мне было искренне жаль мистера Блая в этот час горького поражения. Нетрудно было представить, каким страшным должно было казаться ему крушение всех планов именно теперь, когда он имел все основания рассчитывать на их полное осуществление. Мы уже шли домой. Главная цель долгого путешествия — собрать на Отаити саженцы хлебного дерева и доставить их в Вест-Индию — была выполнена. Правительство Его Величества поручило эту миссию Блаю благодаря содействию его друга и покровителя сэра Джозефа Бэнкса, и капитан по праву гордился оказанным доверием.

Теперь всё рухнуло в одно мгновение. Корабль был потерян. Великолепные карты берегов и островов — тоже. Все долгие месяцы кропотливого труда словно исчезли бесследно. Блай оказался посреди величайшего океана в собственной корабельной шлюпке вместе с восемнадцатью членами команды, имея при себе лишь компас, секстант и свой журнал, за тысячи миль от любого места, где можно было надеяться получить помощь.

Неудивительно, если в тот час всё вокруг казалось ему обращённым в прах.

В течение следующего часа мы медленно продвигались к Тофуа — самому северо-западному из островов архипелага Дружбы. Так назвал эту группу капитан Кук, однако наш собственный опыт общения с её жителями всего за несколько дней до мятежа заставлял подозревать, что слово «дружба» Кук употребил с некоторой иронией. Это был сильный и воинственный народ, но мы убедились, что люди здесь чрезвычайно свирепы и коварны и совсем не похожи на туземцев Отаити. Лишь наличие огнестрельного оружия спасло нас от нападения, когда мы запасались дровами и водой на острове Аннамука. На Тофуа мы прежде не бывали, и, глядя на его едва различимый голубоватый силуэт у горизонта, я тщетно пытался убедить себя, что здесь судьба окажется к нам благосклоннее.

Мы то и дело с тревогой поглядывали на капитана Блая, но не меньше часа он оставался в прежнем положении, не отрывая взгляда от удалявшегося корабля. Когда же наконец отвернулся, то больше уже ни разу не посмотрел в ту сторону.

Теперь он принял командование своим новым судном с такой уверенностью и спокойной бодростью, что все мы воспрянули духом. Первым делом Блай велел навести в шлюпке хоть какой-то порядок. Как я уже говорил, теснота была отчаянная, но, уложив припасы как следует, мы по крайней мере получили возможность немного двигаться.

Разумеется, прежде всего следовало выяснить, каким продовольствием мы располагаем. У нас оказалось шестнадцать кусков свинины примерно по два фунта каждый; три мешка сухарей по пятьдесят фунтов; шесть кварт рома, шесть бутылок вина и двадцать восемь галлонов воды в трёх десятигаллонных бочонках. Кроме того, имелись четыре пустых бочонка вместимостью по восемь галлонов каждый.

Плотнику Перселлу удалось захватить с собой один из ящиков с инструментами, хотя мятежники вытащили из него немало вещей, прежде чем разрешили спустить ящик в шлюпку. Помимо личного имущества, всё остальное наше достояние состояло из моего медицинского ящика, двух люгерных парусов шлюпки, нескольких кусков запасной парусины, двух или трёх бухт каната, медного котелка и кое-какой мелочи из шлюпочного снаряжения, которую предусмотрительный боцман успел захватить с корабля.

Насколько опасно была перегружена шлюпка, можно судить хотя бы по тому, что лежавшую на планшире руку то и дело обдавало каплями воды от небольших волн, плескавшихся о борт. К счастью, море оставалось спокойным, а небо обещало хорошую погоду — во всяком случае, достаточно долгую, чтобы мы успели добраться до Тофуа.

Гребцов сменяли каждый час, и каждый из нас по очереди садился за весло. Голубая полоса острова постепенно становилась всё отчётливее, и к середине дня мы преодолели уже значительно больше половины пути. Примерно тогда же слабый ветер посвежел и повернул к юго-востоку, позволив нам поставить один из люгерных парусов. Капитан Блай сам сел к румпелю, и мы изменили курс, направляясь к северной стороне острова.

Не прошло и восемнадцати часов с тех пор, как при лунном свете я смотрел на Тофуа, полагая, что вижу его в последний раз. Мы с мистером Нельсоном тогда подсчитывали, сколько времени понадобится, если всё пойдёт благополучно, чтобы достичь островов Вест-Индии и выгрузить там наш груз молодых хлебных деревьев. Как мало мы подозревали, насколько изменится наша судьба прежде, чем солнце зайдёт ещё раз.

Теперь я пытался угадать, что намерен предпринять капитан Блай. Единственную надежду на помощь можно было связывать с голландскими владениями в Ост-Индии, но они находились так далеко, что сама мысль добраться туда казалась фантастической. Я думал об Отаити, где мы наверняка встретили бы дружеский приём, однако до него было около тысячи двухсот миль, и лежал он прямо против ветра. При таких обстоятельствах мистер Блай ни за что не стал бы пытаться вернуться туда.

Тем временем мы продолжали путь под безмятежным небом, спокойствие которого словно насмехалось над отчаянным положением людей в крошечной лодке, ползущей по океану далеко внизу. Солнце опустилось в море у нас за кормой, и в сиянии, поднимавшемся из-за горизонта, остров проступил особенно отчётливо.

Мы решили, что вершина его центральной горы поднимается примерно на две тысячи футов. Это был вулкан. Над ним висело тонкое облачко пара, окрашенное закатным светом в шафрановый цвет. На закате мы находились ещё слишком далеко, чтобы заметить дым костров, если на острове жили люди. Мистер Блай полагал, что Тофуа необитаем.

Когда наступила темнота, все взгляды обратились к далёким высотам, но единственным видимым там светом оставалось тусклое красное зарево вулкана, отражавшееся в облаке над вершиной.

Примерно в миле от берега ветер стих, и мы снова взяли за вёсла. Мы приближались к скалистому побережью, пока грохот прибоя не стал оглушительным, однако в темноте никак не удавалось обнаружить место, где можно было бы высадиться. Утёсы высотой от пятидесяти

до нескольких сотен футов, казалось, отвесно уходили прямо в море. Пройдя вдоль берега несколько миль, мы наконец нашли менее опасное место, где можно было с относительной безопасностью провести ночь.

Прибой здесь был невелик, и его негромкий шум лишь подчёркивал глубокую ночную тишину. Наши голоса звучали в ней непривычно отчётливо.

Хотя никто из нас не ел с предыдущего вечера, о пище до сих пор почти не вспоминали. Когда Блай предложил потерпеть до утра, никто не возразил. Однако каждому он выдал порцию грога, и тут я впервые по-настоящему порадовался, что успел положить в медицинский ящик винные стаканы: выяснилось, что, кроме них, у нас имелся лишь один сосуд для питья — роговая кружка капитана.

Грог заметно поднял всем настроение — разумеется, не из-за содержащегося в нём спирта, а потому, что его раздача была привычным корабельным ритуалом и хотя бы ненадолго позволила забыть о нашем безнадёжном положении. Двух человек оставили на вёслах, чтобы удерживать шлюпку подальше от скал, а остальным капитан Блай приказал попытаться отдохнуть — насколько вообще позволяла страшная теснота.

Тихий говор постепенно смолк. Но наступившая вслед за ним тишина была уже иной. Это была тишина смертельно уставших, но настороженных людей, которых наступление ночи и ощущение общей опасности впервые по-настоящему сплотили воедино.

ГЛАВА II

Всю ночь мы держали шлюпку поблизости от берега. Рядом со мной находились Элфинстон, помощник штурмана, и Роберт Тинклер — самый младший из мичманов «Баунти», пятнадцатилетний юноша. Тревожные предчувствия старших товарищей Тинклер не разделял: природную весёлость до сих пор сдерживал лишь вполне здоровый страх перед капитаном Блаем. В ту пору он ещё не представлял себе истинной тяжести нашего положения, и тем больше делает ему чести то, что, когда очень скоро он осознал окружавшие нас опасности, мужество ему не изменило.

В последнюю часть ночи Тинклер спал, свернувшись на дне шлюпки и устроив вместо подушки мои ноги и собственный узел с одеждой. Мы с Элфинстоном по очереди дремали, опираясь друг на друга, но из-за страшной тесноты настоящий сон был невозможен.

Ещё до рассвета все проснулись, а едва стало достаточно светло, мы двинулись вдоль берега на северо-восток. Из маленькой, глубоко сидевшей в воде шлюпки остров выглядел весьма неприветливо. Берег круто уходил в глубину, и нигде не находилось места, где можно было бы высадиться, не рискуя разбить лодку. Вскоре мы вышли из-под защиты берега и попали под такой сильный ветер и в такое волнение, что пришлось повернуть обратно и обследовать побережье по другую сторону от места нашей ночёвки.

Около девяти часов мы обнаружили небольшую бухту. Поскольку дальше ничего более подходящего не было видно, мы вошли в неё и бросили кошку примерно в двадцати ярдах от берега.

Мы находились с подветренной стороны острова, но это было едва ли не единственным нашим преимуществом. Пляж состоял из камней, а вся местность вокруг бухты выглядела настолько бесплодной, что не обещала нам ни пищи, ни воды. Со всех сторон бухту окружали высокие скалистые утёсы, и казалось, что попасть сюда или выбраться отсюда можно только морем.

Капитан Блай поднялся со своего места и долго внимательно осматривал берег, пока остальные ждали его решения. Затем с кривой усмешкой повернулся к мистеру Нельсону:

— Ей-богу, сэр, если вы найдёте здесь хотя бы одну съедобную ягоду, за ужином получите мою порцию грога.

— Боюсь, вы ничем не рискуете, — ответил мистер Нельсон. — Но я с удовольствием попробую.

— Именно это мы и сделаем, — сказал Блай и повернулся к штурману. — Мистер Фрайер, вы и шестеро людей останетесь при шлюпке.

Он назвал тех, кому предстояло остаться. Затем шлюпку подтянули к мелководью, и остальные, прыгнув за борт, вброд добрались до берега.

Пляж был покрыт грудями круглых, гладко обточенных морем камней. Хотя прибой был слабым, идти по ним оказалось трудно. Мясник Роберт Лэмб не успел сделать и полудюжины шагов, как подвернул ногу, тем самым обеспечив мне первую работу в качестве врача шлюпки «Баунти». Растяжение оказалось серьёзным, и идти самостоятельно он уже не мог. Его поддерживали и отвели повыше от воды, где капитан Блай — и, на мой взгляд, совершенно справедливо — устроил ему суровый разнос. Мы находились не в том положении, чтобы ухаживать ещё и за беспомощными людьми, а Лэмб пострадал лишь потому, что по глупости попытался бежать по россыпи незакреплённых камней.

Земля вокруг бухты была каменистой, покрытой жёсткой травой, небольшими зарослями кустарника и редкими деревьями. Ровная полоса тянулась от берега совсем недалеко, упираясь почти в отвесные стены, поросшие лианами и папоротником. Неподальёку от пляжа мы обнаружили остатки старого костра, но вскоре убедились, что туземцы лишь изредка посещали эту бухту.

Мистер Блай поручил своему секретарю Сэмюэлу, Нортону, Перселлу, Ленклеттеру и Лебогу попытаться подняться на утёсы. Перселл взял одну из наших абордажных сабель, остальные вооружились крепкими палками. В таком виде они отправились в путь и вскоре скрылись среди деревьев. С собой они несли медный котелок и туземную калекбасу, найденную висевшей на дереве у берега.

Остальные разошлись: одни искали среди камней моллюсков, другие обследовали побережье. Мы с Нельсоном направились к левой стороне бухты и обнаружили узкую долину, но вскоре путь нам преградила гладкая скальная стена высотой тридцать или сорок футов. Ни капли воды мы не нашли. Засушливый вид долины слишком ясно свидетельствовал о том, что по крайней мере на этой стороне острова дождей выпадало совсем немного.

Тщательно осмотрев порученную нам часть бухты, мы ненадолго присели отдохнуть. Нельсон с лёгкой улыбкой покачал головой.

— Мистер Блай ничем не рисковал, предлагая мне свою порцию грога. Здесь мы ничего не найдём, Ледвард. Ни еды, ни воды.

— Что вы думаете о наших перспективах? — спросил я.

— До сих пор я старался об этом не размышлять. На наветренной стороне мы, несомненно, найдём воду и, возможно, достаточно пищи, чтобы продержаться довольно долго. А дальше...

Он умолк, не закончив фразы. Через некоторое время добавил:

— Наше положение не совсем безнадежно. Вот всё, что пока можно сказать.

— Но именно для таких обстоятельств Блай словно и рождён.

— Согласен. Но что он может сделать, Ледвард? Куда, во имя Господа, нам идти? Мы слишком хорошо знаем, насколько вероломны эти так называемые жители островов Дружбы. Аннамука нас этому научила. С вами я говорю откровенно. Остальных буду стараться подбадривать всеми силами, но нам двоим незачем разыгрывать друг перед другом спектакль.

Нельсон говорил тихо и ровно, отчего его слова производили ещё более сильное впечатление. Он вовсе не принадлежал к людям, привыкшим видеть всё в мрачном свете. Но мы давно были друзьями, и, как он справедливо заметил, обсуждая ожидавшие нас возможности, могли позволить себе полную откровенность.

— Думаю, Блай поведёт нас обратно к Аннамуке, — продолжал он. — Туда или на Тонгатабу.

— Похоже, другого выхода у него нет. Разве только нам удастся обосноваться здесь.

— Нет. И запомните мои слова: рано или поздно нам доведётся так отведать гостеприимства островов Дружбы, что мы можем не дожить до возможности вспоминать об этом — или сожалеть... Ледвард, Ледвард! — Он печально улыбнулся. — Только подумайте, как счастливы мы были немногим больше суток назад, когда стояли у левого борта и разговаривали о доме! А мой прекрасный сад хлебных деревьев — как великолепно всё росло! Как вы думаете, что эти мерзавцы сделают с моими саженцами?

— Полагаю, они уже выбросили их за борт.

— Боюсь, вы правы. Они выбросили за борт нас — едва ли с растениями станут обращаться бережнее. А ведь я любил их почти как собственных детей!

Мы вернулись на пляж и обнаружили, что остальные добились не большего успеха. Правда, отряду, отправленному на разведку, каким-то образом удалось выбраться из бухты, хотя никто из нас не понимал как. Тем временем капитан Блай обнаружил в скальной стене пещеру примерно в ста пятидесяти шагах от берега. Утоптанная земля внутри свидетельствовала, что прежде ею часто пользовались. Пещера была совершенно сухой: со сводов не просачивалось ни капли воды.

Однако одна находка оказалась куда менее приятной. На каменном выступе стояли в ряд шесть человеческих черепов. Осмотр убедил меня, что всего год или два назад они принадлежали живым людям. У одного была раздроблена чешуйчатая часть височной кости, в теменной кости другого зияло неровное отверстие. Меня поразили великолепные зубы: ни в одном из черепов я не обнаружил ни единого испорченного.

Эти останки, тускло белевшие в полумраке пещеры, самым своим молчанием говорили достаточно красноречиво. И, несомненно, могли бы рассказать ещё гораздо больше, будь им дано поведать нам, каким образом они здесь оказались.

Вскоре после полудня разведчики вернулись совершенно измученными. Одежда их была изорвана, руки и ноги покрыты царапинами и ушибами. В котелке они принесли около шести кварт воды, ещё примерно три кварты находились в калевасе. Воду удалось собрать из углублений среди скал; ни ручья, ни источника они не обнаружили, как не нашли и никаких следов людей.

Они прошли около двух миль по пересечённой местности, где, по их словам, было совершенно очевидно, что никто не живёт и жить не может. Все пришли к выводу, что остров необитаем. Мы вернулись в шлюпку: оставаться здесь, казалось, не имело смысла. Уже на борту мы впервые после ухода с «Баунти» нарушили пост. Каждому достался кусочек сухаря, немного свинины и стакан воды. Трапеза была недолгой. Едва получил свою долю последний человек, мы подняли кошку и выгребли из бухты.

— Нужно попытаться обойти остров и попасть на наветренную сторону, — сказал Блай. — Полагаю, там должна быть вода. Вы согласны, мистер Нельсон?

— Вполне вероятно. Когда вчера мы приближались к острову, я заметил, что растительность с наветренной стороны выглядит гораздо зеленее.

Ветер дул с востока-юго-востока. Едва мы вышли из-под защиты берега, он обрушился на нас с новой силой, вздымая крутую ломающуюся волну. Мы шли круто к ветру правым галсом; под порывами шлюпка сильно кренилась, через подветренный борт непрерывно заливалась вода, и люди изо всех сил работали черпаками.

Тупоносая и чудовищно перегруженная, наша лодка зарывалась носом в каждую встречную волну, взметая целые завесы брызг. Даже на лице мистера Блая появилась тревога.

— Приготовиться к повороту! — крикнул он. И тут же: — Руль под ветер!

Шлюпка пошла носом на волну. Фалы потравили, гафели перенесли на правую сторону мачт. Паруса бешено захлопали, пока лодка разворачивалась на другой галс. И тут Блай вовремя увидел опасность.

— За борт! — взревел он. — Кто умеет плавать — за борт!

Прыгать в такое море было удовольствием сомнительным, но около половины наших людей немедленно бросились в воду. Шлюпка была настолько тяжела, что слушалась руля крайне медленно. Несмотря на поставленный на обратный ветер передний парус, она никак не хотела уваливаться. Окажись мы бортом к волне ещё немного дольше, я убеждён, шлюпка пошла бы ко дну, если бы приказ Блая не был исполнен мгновенно.

Милостью Божьей и благодаря искусству капитана она всё же отвернула, не успев наполниться водой. Пловцы перебрались обратно через борта, паруса снова настроили, и мы поспешили под защиту острова. Мы прошли ещё несколько миль вдоль берега и вскоре с радостью увидели высоко над собой, на вершине утёсов, небольшую рощицу кокосовых пальм. Но росли они так высоко, что добраться до них казалось невозможным; к тому же высадке мешал сильный прибой.

Молодой Тинклер и Томас Холл всё же вызвались попробовать, и Блай разрешил. Мы подгребли к скалам настолько близко, насколько осмелились. Оба разделись и прыгнули в море, взяв по верёвке, чтобы в случае беды мы могли вытянуть их обратно. Как оказалось, беспокоились мы напрасно. В воде они чувствовали себя не хуже самих островитян. На мгновение оба исчезли среди кипящей пены, а когда мы увидели их вновь, опасность уже миновала и они карабкались по скалам.

Не прошло и часа, как они вернулись к берегу примерно с двадцатью кокосами. Связав орехи гроздьями и прикрепив к верёвке, они дали нам возможность втянуть добычу в шлюпку. Мы продолжили путь вдоль побережья, но к середине дня, так и не найдя ни убежища, ни признаков пресной воды, капитан Блай решил вернуться на ночь в бухту. К месту стоянки мы добрались примерно через час после наступления темноты.

Нет нужды говорить, что теперь каждый из нас был зверски голоден. Капитан выдал по одному кокосу на человека. Мякоть и прохладное молоко оказались необыкновенно желанным ужином — но, конечно, насытить нас не могли. На следующее утро мы в третий раз безуспешно попытались морем обойти остров и попасть на наветренную сторону. Небо было ясным, но ветер ничуть не ослаб, и едва мы вышли из бухты, как пришлось снова непрерывно вычерпывать воду.

После третьей попытки стало окончательно ясно: на нашей глубоко сидящей перегруженной шлюпке идти против сильного волнения невозможно. Мы могли лишь благодарить судьбу за то, что убежище находилось рядом. Пришлось снова вернуться в бухту. Блай твёрдо решил не расходовать без крайней необходимости наши жалкие запасы пищи и воды. Хотя после вчерашней неудачной разведки надежд найти что-нибудь на этой стороне острова почти не осталось, мы решили предпринять ещё одну попытку.

Мистер Блай, Нельсон, Элфинстон, Коул и я снова отправились обследовать утёсы. На этот раз нам повезло: мы обнаружили путь из бухты, которым, судя по всему, пользовались сами островитяне. В узкой расселине, прежде ускользнувшей от нашего внимания, росли толстые одревесневшие лианы, прочно закрепившиеся в трещинах скалы и на деревьях наверху. В стене утёса виднелись вырубленные туземцами упоры для ног, облегчавшие подъём.

Некоторое время мы молча разглядывали эту примитивную лестницу.

— Попробовать, сэр? — спросил Элфинстон.

— Шансы свернуть себе шею у вас превосходные, мой мальчик, — ответил Блай. — Но если туземцы здесь поднимаются, значит, поднимемся и мы.

Элфинстон вскарабкался немного выше, пока не смог ухватиться за лианы толщиной почти с человеческое предплечье. Убедившись, что они легко выдерживают его вес, он продолжил подъём, а мы наблюдали снизу. Преодолев сорок или пятьдесят футов почти отвесной стены, он добрался до каменного уступа, где можно было передохнуть, и оттуда окликнул нас.

Подъём и в самом деле оказался опасным, особенно для Коула — человека тяжёлого, к тому же обременённого медным котелком, который он нёс на плече. Цепь огромных естественных ступеней наконец вывела нас на вершину, находившуюся в трёх-четырёх сотнях футов над морем. Последняя часть пути была легче, но даже теперь мысль о предстоящем спуске никого не радовала.

Отсюда открывался прекрасный вид на вулкан, поднимавшийся где-то близ центра острова. Местность между нами и горой была изрезана грядями и оврагами и выглядела ещё более пустынной, чем с моря.

Тем не менее мы направились к центральной горе и вскоре вошли в глубокую расселину, где надеялись найти воду. Всё, что обнаружилось, — несколько тёплых лужиц между камнями. Они были настолько мелкими, что воду приходилось мучительно долго вычерпывать в котелок самодельным ковшиком из скорлупы кокоса. Всего удалось собрать три или четыре галлона.

Оставив здесь котелок, мы пошли дальше и вскоре наткнулись на несколько заброшенных, полуразвалившихся хижин. Неподальёку находилась бывшая банановая плантация, настолько заросшая сорняками и кустарником, что мы едва её заметили. Нам удалось найти три небольшие связки плантанов. Их подвесили к шесту, чтобы нести на туземный манер.

Мы прошли в глубь острова ещё около мили, но земля становилась всё суше. Местами её покрывали пепел и застывшие потоки лавы, среди которых могли существовать лишь редкие выносливые кустарники.

Надеемся здесь было больше не на что. Мы повернули обратно, по дороге забрали котелок и около полудня добрались до края утёсов над бухтой. Блай, Нельсон и я несли по связке плантанов, привязав их верёвками за спиной. Элфинстон и Коул отвечали за котелок с водой, и я до сих пор удивляюсь, как им удалось спустить его вниз, не потеряв, кажется, ни единой капли драгоценной жидкости.

К этому времени мысли всех, естественно, были заняты прежде всего едой. Понимая, что людям необходимо сохранить силы, капитан Блай разрешил самый сытный обед со времени нашего изгнания с «Баунти»: каждому досталось по два варёных плантана, одной унции свинины и стакану воды. Всю бухту мы уже обыскали в надежде найти моллюсков, но не обнаружили даже морской улитки. Из-за сильного волнения покинуть бухту было невозможно,

поэтому после еды отправили ещё одну разведывательную группу. Она вернулась на закате с пустыми руками.

Оставалось лишь одно направление, куда никто ещё не ходил, — северо-запад. На следующее утро почти половину нашей компании, ночевавшую в пещере ради более полноценного отдыха, отправили в последнюю попытку раздобыть пищу и воду. Экспедицией руководил мистер Фрайер. Капитан Блай приказал ему не возвращаться, пока тот окончательно не убедится, что и там надеяться не на что.

Они отсутствовали целых пять часов и около десяти утра появились с пустыми руками. Но Роберта Тинклера среди них не было. Фрайер сообщил, что незадолго до решения повернуть назад юноша каким-то образом отделился от остальных. Блай пришёл в ярость.

— Что, сэр?! — взревел он на Фрайера. — Вы хотите сказать, что, будучи штурманом корабля, не способны удержать вместе отряд из семи человек? Чёрт бы вас побрал! Неужели мне повсюду приходится ходить с вами самому? Немедленно возвращайтесь и найдите его! Все идите! И без него не возвращайтесь!

Люди молча двинулись обратно. Но они ещё не успели дойти до подножия утёсов, как сверху послышался крик. Через несколько мгновений появился Тинклер. В руках он нёс туземную калебасу примерно с галлоном воды. А следом за ним шли женщина-островитянка и двое мужчин. Мужчины несли на шесте связку очищенных кокосов.

Это было именно то везение, в котором мы отчаянно нуждались. Я с удовольствием заметил, что Блай, ещё несколько минут назад проклинавший мальчишку за исчезновение, мгновенно забыл свой гнев и горячо его похвалил. Тинклер сиял той особенной гордостью, какую способен испытывать лишь юноша, преуспевший там, где потерпели неудачу взрослые. Он обнаружил туземцев возле хижины в маленькой скрытой долине и каким-то образом сумел объяснить им, что они должны пойти вместе с ним и принести пищу и воду.

Мужчины были крепко сложены и держались уверенно. Наше присутствие, казалось, ничуть их не удивляло. Оружия при них не было; из одежды — лишь повязки из тапы вокруг бёдер. Женщина, красивая молодая особа лет двадцати, держала ребёнка на бедре. Они положили кокосы на землю и уселись рядом, разглядывая нас без малейшего признака страха.

После долгого пребывания на Отаити многие из нас довольно сносно знали местный язык. Мы уже убедились, что речь жителей Аннамуки, хотя и родственна отаитянской, заметно от неё отличается. И всё же кое-как объясняться с этими людьми мы могли. Лучше всех языком владел мистер Нельсон. Он принялся расспрашивать мужчин, прежде всего о том, сколько людей живёт на острове и можно ли раздобыть здесь пищу и воду.

Один из них ответил пространно. Большая часть сказанного осталась нам непонятной, однако мы сумели уяснить главное: на наветренной стороне острова живёт довольно много людей, тогда как здесь пищи и воды почти нет. Наконец туземцы поднялись, дав понять, что приведут других островитян. Мы не располагали богатствами для подарков, но капитан Блай снял со своего мундира несколько пуговиц. Они приняли их невозмутимо и ушли.

Едва они скрылись, мистер Блай распорядился собрать из наших личных вещей всё, чем можно было пожертвовать ради торговли с островитянами. Нашлись пуговицы, носовые платки, складные ножи, пряжки и прочая мелочь. Одновременно Блай подготовился к обороне.

Фрайер и пятеро людей должны были оставаться в шлюпке, готовые действовать при малейшей опасности. У штурмана находилась одна из четырёх абордажных сабель. Остальные три получили Блай, Перселл и Коул — самые сильные из тех, кто оставался на берегу. Мы же нарубили себе дубинок, но спрятали их в пещере. Торговать предполагалось перед самым её входом, чтобы туземцы всё время находились перед нами и не могли незаметно окружить.

Итак, тринадцать человек находились на берегу, шестеро — в шлюпке примерно в ста пятидесяти ярдах от нас. Разделяться настолько далеко нам не хотелось, однако Блай считал

важнее расположить береговую группу там, где её невозможно окружить. Шлюпка оставалась в поле зрения, и мы могли следить за происходящим возле неё.

Подготовившись таким образом, мы с тревогой стали ждать гостей. Ждать пришлось недолго. Ещё на Отаити я не раз удивлялся загадочной быстроте, с которой среди островитян распространяются новости. То же произошло и здесь. Не прошло часа, как с утёсов спустились двадцать или тридцать мужчин. Другие прибыли на каноэ, которые затем вытащили на пляж. К середине дня в бухте собралось уже человек сорок или пятьдесят.

Они напоминали жителей Аннамуки — крепкие, сильные мужчины, державшиеся несколько вызывающе. Но мы с облегчением заметили, что оружия у них нет, а намерения кажутся мирными. Они постоянно переходили с места на место: то усаживались на пляже и рассматривали шлюпку, то возвращались к пещере поглазеть на нас. Пищи и воды они принесли немного, но до вечера нам всё же удалось выменять около дюжины плодов хлебного дерева и несколько галлонов воды.

С помощью увеличительного стекла капитана Блая мы развели у входа в пещеру огонь и приготовили несколько плодов хлебного дерева. Туземцы наблюдали за нами и отпускали замечания, судя по тону, весьма насмешливые относительно нашего способа готовить пищу. Женщин среди вновь прибывших не было, как не было и знатных людей. Однако нам дали понять, что один из вождей посетит нас на следующий день.

Вскоре после захода солнца островитяне начали покидать бухту. Последний ушёл ещё до наступления полной темноты. Это обстоятельство нас обнадёжило. Мы рассудили, что, замыслив они что-нибудь дурное, они наверняка остались бы поблизости и напали ночью. На ужин каждому досталась четверть плода хлебного дерева и стакан воды. Несмотря на скудость трапезы, настроение было лучше, чем когда-либо после мятежа.

У входа в пещеру выставили караул. Остальные улеглись спать, успокоенные обещанием капитана Блая:

завтрашний день станет для нас последним в этом мрачном месте.

ГЛАВА III

Капитан Блай обладал завидной способностью засыпать почти при любых обстоятельствах. Мне доводилось видеть, как он обходился без сна трое суток подряд, но стоило представиться подходящей возможности — он закрывал глаза и мгновенно погружался в крепкий, освежающий сон, даже если знал, что через четверть часа его разбудят.

В эту ночь он мог рассчитывать на несколько часов покоя. Едва Блай улёгся, как ровное дыхание показало, что он уже спит. Мне же сон не шёл совершенно. Через некоторое время я вышел из пещеры к часовым. Они стояли в двадцати или тридцати ярдах друг от друга, так чтобы просматривать все подходы.

Ночь была прекрасная. Залитая лунным светом бухта казалась заколдованным местом. К северу лежало открытое море, теперь спокойное: к закату ветер стих. Длинные волны величественно входили в бухту, разбивались сперва о два её берега, затем две полосы прибоя устремлялись навстречу друг другу и сталкивались почти посередине пляжа, высоко взбрасывая серебристую пену.

Глядя вокруг, я вспоминал одинокие бухточки Корнуолла, которые видел в такие же лунные ночи, и мне трудно было поверить, что от дома нас отделяет необъятный океан.

Караулом командовал мистер Коул. Он стоял в густой тени дерева неподалёку от пещеры. Я очень любил нашего боцмана: мы подружились почти с того самого дня, когда «Баунти» вышел из Спитхеда, и во всей команде не было более надёжного и искусного моряка. Он был человеком глубоко верующим, с почти детским упованием на Бога, которое превосходила лишь его вера в капитана Блая. Коул ни на мгновение не сомневался, что капитан проведёт нас невредимыми через любые опасности. Разговор с ним успокоил меня, и в пещеру я вернулся уже с большей надеждой.

Я по-прежнему был убеждён в вероломстве этих столь неудачно названных жителей островов Дружбы и вполне ожидал нападения ночью. Разумеется, свои опасения я держал при себе. Утром они уже казались несколько нелепыми. Мы поднялись на рассвете, и среди всей нашей компании царили бодрость и надежда. Мы даже с удовольствием ждали возвращения островитян: теперь, зная наши нужды, они, как нам представлялось, принесут достаточно пищи и воды, и уже вскоре после полудня мы сможем покинуть бухту.

Солнце поднялось уже довольно высоко, прежде чем первые туземцы спустились по утёсам в глубине бухты. Вскоре подошли два каноэ, в каждом по двенадцать или пятнадцать человек. Нас сильно разочаровало, что припасов они привезли совсем немного. Всё же удалось выменять немного воды и полдюжины плодов хлебного дерева.

Одна группа, прибывшая на каноэ, держалась с нами особенно вызывающе. У них было шесть калек, полных воды — намного больше, чем требовалось им самим на день, — но продать хотя бы часть они отказались. Они прекрасно знали, что мы испытываем недостаток воды, и издевались над нами, демонстративно отпивая большими глотками из своих сосудов, пока мы стояли и смотрели.

К счастью, торговал с ними Нельсон, а не Блай. Дипломатических талантов у капитана было немного, и оказись он рядом, вспыльчивость могла взять верх. Нельсон же сохранял спокойствие и любезность и, поняв, что добиться от этих людей ничего невозможно, вскоре просто оставил их в покое. Вернувшись к пещере, мы увидели Блая, пытавшегося объясниться с новой группой туземцев, которую возглавлял пожилой вождь, только что прибывший из глубины острова.

Старик выглядел сурово. Ростом он был значительно выше шести футов. Одевание из тапы лежало на нём красивыми складками и сразу выдавало высокий ранг; впрочем, даже будь он совершенно наг, в нём без труда можно было бы узнать человека знатного происхождения. В одной руке он держал копьё из железного дерева с зазубринами из шипов хвоста ската. За поясом виднелся предмет, похожий на гребень с длинными деревянными зубцами.

Увидев нас, Блай облегчённо сказал:

— Вы как раз вовремя, Нельсон. Я уже хотел послать за вами. Попробуйте понять, что говорит этот человек.

Нельсон обратился к нему на языке Отаити. Большинство наших людей и около тридцати-сорока островитян окружили их. Вождь отвечал с той естественной грацией и красноречием, которые часто встречаются у жителей Южных морей, но в его глазах таились жестокость и хитрость, совершенно не соответствовавшие приятным манерам. Я внимательно вслушивался. Хотя прежде несколько гордился своим знанием отаитянского языка, здесь оно почти не помогало — речь островов Дружбы отличалась слишком сильно.

Нельсон же прекрасно улавливал родственные слова и быстро схватывал смысл. Было очевидно, что они с вождём вполне способны понимать друг друга.

Наконец Нельсон повернулся к Блаю:

— Он либо видел нас на Аннамукке, либо слышал, что мы там были. Я понимаю примерно половину, но он спрашивает, как и где мы потеряли корабль.

К такому вопросу мы подготовились заранее. Сначала мистер Блай не знал, как объяснить наше появление здесь, если мы встретим местных жителей. Сказать, будто корабль находится поблизости, было невозможно — они сами видели, что его нет. Поэтому капитан распорядился говорить, что судно потерпело крушение, а мы — единственные спасшиеся.

Мы понимали, насколько опасно подобное признание, но обстоятельства не оставляли выбора. Я следил за лицом старика, пока Нельсон рассказывал нашу историю. Тот оставался совершенно невозмутимым и не проявил ни интереса, ни сочувствия.

Следующий его вопрос долго ставил Нельсона в тупик, но наконец тот понял:

— Он хочет увидеть предмет, которым вы добываете огонь из солнца.

Блай неохотно достал увеличительное стекло. Он отлично понимал, какую зависть вызовет у островитян столь драгоценная вещь, но счёл разумным удовлетворить любопытство вождя. Собрали сухие листья и растёрли их в труху. Туземцы тесно окружили нас. Блай сфокусировал солнечные лучи на труте. Когда появился дым, а затем вспыхнул крошечный огонёк, по толпе прошёл гул удивления.

Вождь немедленно решил завладеть чудесным прибором. Когда Блай отказался отдать стекло, раздражение и разочарование старика стали очевидны. Тогда он потребовал гвозди — самый желанный предмет обмена у жителей Южных морей. Но небольшие запасы гвоздей были для нас слишком ценны, и Нельсону велели сказать, что их нет.

Пока шёл этот разговор, прибывали новые туземцы. Среди них появился ещё один вождь, по рангу, видимо, равный первому или даже превосходивший его. Старшему он не выказал никакого почтения, а толпа, едва завидев пришедшего, сама расступилась, пропуская его и сопровождавших людей.

Ему было около сорока лет, и держался он властно. Выйдя на свободное место, вождь пристально оглядел нас одного за другим, затем подошёл прямо к капитану Блая. Я заметил, что он, как и старик прежде, не стал совершать церемонию соприкосновения носами — знак вежливости, который никогда не забывали, пока за нашей спиной стоял «Баунти».

Никто из нас не припоминал этих двух вождей по Аннамукке. Старшего звали, насколько я способен передать звучание, Макка-аккаво, второго — Ифоу. Мы поняли, что оба прибыли с Тонгатабу. Когда Блай сообщил о намерении идти либо туда, либо на Аннамукку, Ифоу предложил отправиться вместе с нами, как только стихнут ветер и море.

Блай пригласил обоих в пещеру и подарил каждому по ножу и рубaxe. Именно тогда я взял один из найденных черепов, подошёл к Ифоу и на отаитянском наречии спросил, откуда он взялся. Лицо вождя сразу оживилось.

— Фиджи, Фиджи, — ответил он.

Затем с большим воодушевлением принялся объяснять дальше. Из сказанного мы поняли, что двух людей, которым принадлежали эти черепа, убил он сам. Рассказ чрезвычайно заинтересовал капитана Блая. Во время плавания с капитаном Куком он уже слышал о большом архипелаге, неизвестном европейцам, который туземцы называли Фиджи и который находился сравнительно недалеко от островов Дружбы.

По просьбе Блая Нельсон долго расспрашивал Ифоу. Вождь сообщил, что архипелаг состоит из огромного количества островов и ближайшие из них находятся примерно в двух днях пути от Тофуа. Когда мы вышли из пещеры, Блай попросил Ифоу показать направление. Тот указал запад-северо-запад, что подтверждало сведения, уже полученные капитаном ранее.

Встреча в пещере прошла настолько успешно, что мы начали надеяться: опасения относительно намерений туземцев были напрасными. Тут произошло ещё одно обнадеживающее событие. К нам подошёл человек по имени Нагити, которого мистер Блай вспомнил по Аннамукке, и приветствовал его самым дружелюбным образом. Вождём он не был, но, судя по всему, обладал определённым влиянием. Блай встретил его весьма тепло, хотя старательно подчёркивал различие между обращением с Нагити и почестями, оказываемыми вождям.

Благодаря этому человеку нам удалось заметно пополнить запас воды для непосредственных нужд, не трогая содержимое бочонков в шлюпке. Кроме того, мы купили ещё несколько плодов хлебного дерева и полдюжины больших ямсов. Но вскоре все вещи, пригодные для обмена, закончились. После этого туземцы перестали давать нам что-либо. Даже половины плода хлебного дерева невозможно было получить бесплатно.

Мы оказались в затруднении. Всё, чем можно было пожертвовать, уже отдали, а нужда в пище и воде оставалась острой. Блай снова обратился к вождям и объяснил наше положение. Нельсон говорил насколько мог красноречиво, но почти без результата.

Когда он закончил, Макка-аккаво ответил:

— Вы говорите, что у вас ничего не осталось. Но у вас есть вещь, которой вы добываете огонь. Отдайте её мне, и мои люди дадут вам всё, что имеют.

На это Блай согласиться, разумеется, не мог. Огнива у нас не было, а добывать огонь трением по туземному способу никто не умел. Получив отказ, старый вождь заметно помрачнел.

Тогда Ифоу сказал:

— Покажите, что у вас в лодке.

Но Блай отказал и здесь. Инструменты и несколько пакетов гвоздей, лежавшие в шлюпке, уступали по важности лишь самой пище. Так продолжалось до полудня. На обед каждому достался небольшой кусок приготовленного хлебного дерева и тонкий ломтик свинины. Блай пригласил вождей разделить трапезу. Обед получился крайне неприятным.

Мы все почувствовали перемену в поведении островитян. Небольшие группы о чём-то совещались между собой, а оба вождя, сидя рядом с нами за едой, говорили на каком-то особом, видимо условном или образном наречии, так что даже Нельсон не понимал ни слова. Пятнадцать наших людей находились на берегу. Фрайер с тремя товарищами оставался в шлюпке, стоявшей на кошке сразу за линией прибора.

Вокруг нас собралось, по нашим подсчётам, значительно больше двухсот островитян. И среди них не было ни одной женщины. К счастью, вооружены были только вожди и двое-трое их ближайших спутников. Вскоре оба вождя покинули нас и отправились к своим людям. Блай воспользовался моментом, чтобы объяснить свой план.

— Пока ещё нельзя с уверенностью сказать, что они что-то замышляют против нас, — произнёс он. — Поэтому мы должны вести себя так, словно ничего не подозреваем. Но каждый будьте настороже. Мистер Пековер, выберите троих и понемногу перенесите все наши припасы в шлюпку. Делайте это без спешки, самым непринуждённым образом. На закате мы покинем бухту независимо от того, пойдёт Ифоу с нами или нет, и направимся к Тонгатабу. Но до самого момента посадки островитяне не должны догадаться о нашем намерении.

У пещеры ещё горел костёр, и плоды хлебного дерева готовили сразу после покупки. Пековер выбрал себе в помощники Питера Ленклеттера, Лебога и молодого Тинклера. Они начали переносить припасы небольшими партиями. Работа была опасной: им приходилось проходить между многочисленными группами туземцев, расположившимися между пещерой и шлюпкой. Все четверо действовали с таким хладнокровием, что заслуживали самой высокой похвалы.

Особенно хорошо держался Тинклер, совсем ещё мальчишка. Он страшно гордился тем, что для этой работы выбрали именно его, а не других мичманов. Блай тем временем сидел у входа в пещеру, внимательно следя за всем вокруг и одновременно спокойно делая записи в своём журнале — словно находился в собственной каюте на «Баунти».

Остальные занимались мелкими делами, стараясь создать впечатление, будто мы собираемся провести здесь ещё одну ночь. Нагити, удалившийся после обеда, вскоре вернулся и по-прежнему казался дружелюбным. Он спросил о наших планах. Ему ответили, что мы ждём, когда Ифоу будет готов сопровождать нас на Тонгатабу, и надеемся отплыть на следующий день, если погода позволит.

Нагити сказал:

— Ифоу пойдёт с вами, если вы отдадите ему вещь для добывания огня. И лучше отдайте её ему, а не Макка-аккаво: Ифоу более великий вождь.

Блай мог бы прибегнуть к хитрости и пообещать желанное стекло, но отказался лгать и прямо сказал Нагити, что ни при каких обстоятельствах не расстанется с ним. Вскоре оба вождя снова присоединились к нам. Блай с помощью Нельсона продолжил расспрашивать их об островах Фиджи, всеми силами стараясь поддерживать дружеский и непринуждённый тон.

И тут произошёл случай, который едва не закончился катастрофой. На пляже собралась огромная толпа. Внезапно около дюжины туземцев бросились к канату, соединявшему шлюпку

с берегом, и принялись подтягивать её. Раздался предупреждающий крик Пековера, как раз возвращавшегося со своей группой. Блай, выхватив абордажную саблю, бросился к берегу. Мы последовали за ним, вместе с обоими вождями.

Никогда ещё его мужество и сила характера не проявлялись ярче. Нас окружали люди, многократно превосходившие нас числом. Одного движения было достаточно, чтобы они напали и уничтожили нас. Но Блай настолько подавил их своей решительностью, что туземцы немедленно отпустили канат. Фрайер и его люди оттянули шлюпку обратно.

Думаю, попытка завладеть лодкой произошла без ведома вождей. Во всяком случае, по настоянию Блая они приказали своим людям уйти оттуда, и вскоре всё опять успокоилось. Лучше всего было бы немедленно садиться в шлюпку и уходить. Думаю, Блай именно это и сделал бы, если бы Коул и трое других не отправились в глубь острова в надежде раздобыть ещё немного воды.

Они ещё не вернулись. Поэтому нам пришлось снова идти к пещере и ждать. Начались мучительные минуты. Становилось всё очевиднее: нас собираются атаковать. Туземцы лишь выжидают подходящий момент. Мы почти не сомневались и в том, что оба вождя действуют сообща и уже сообщили своим людям: белых следует уничтожить.

— Держитесь вместе, ребята, — негромко сказал Блай. — Не позволяйте ни одному из них зайти нам за спину. Чёрт бы их побрал! Чего они ждут?

— Думаю, они нас боятся, сэр, — ответил Фрайер. — Или рассчитывают застать врасплох.

Долго ждать подтверждения не пришлось. Издалека донёсся зловещий звук — камни ударили друг о друга. Мы сразу решили, что это сигнал перед нападением. Сначала стучали лишь несколько человек. Затем звук стал распространяться по всей бухте, становясь всё громче. Временами грохот был почти оглушительным, затем внезапно затихал — лишь для того, чтобы начаться вновь с ещё большей настойчивостью, словно простые воины теряли терпение и требовали от вождей наконец подать знак к убийству.

Нетрудно представить, какое действие это производило на нашу маленькую группу. Мы считали, что настал последний час. Но стояли плечом к плечу, тесной сплочённой кучкой, и каждый был готов продать свою жизнь как можно дороже. Лишь поздно после полудня вернулся Коул со своими людьми. Они принесли около двух кварт воды, собранной между камнями.

Блай вёл точный учёт всего, что нам удалось добыть. Воды, которую мы нашли или купили на острове, хватало лишь на текущие нужды. К двадцати восьми галлонам в шлюпке мы не прибавили ничего — но зато и не тронули основной запас. Теперь береговая группа снова была в полном составе. Оставалось лишь дожидаться удобного момента и попытаться добраться до лодки.

А вокруг продолжали стучать камни — то здесь, то там. И всё это время мы были вынуждены делать вид, будто ничего не замечаем. Нагити, всё ещё остававшийся возле нас, становился всё беспокойнее и явно искал повод уйти, однако Блай удерживал его разговором. Мы собрались перед входом в пещеру так, чтобы никто из туземцев не смог обойти нас сзади.

Большинство островитян стояли отдельными группами по двадцать-тридцать человек на некотором расстоянии. Мы видели, как оба вождя переходили от одной группы к другой. Наконец они снова подошли к нам. Надо отдать им должное: искусством притворства оба владели превосходно. Мы спросили, что означает стук камней. Они объяснили, будто это всего лишь игра, которой люди развлекают себя от скуки.

Затем попытались уговорить капитана Блая и Нельсона отойти вместе с ними в сторону, словно желая поговорить наедине. Блай сделал вид, что не понял приглашения. Все мы стояли, готовые мгновенно защищаться. Однако, думаю, своим поведением нам удалось — во всяком случае на некоторое время — убедить вождей, будто мы ничего не знаем об их замыслах.

Стоило им подойти, как стук камней прекратился. Наступившая тишина показалась ещё глубже.

Ифоу спросил:

— Вы будете спать сегодня на берегу?

Блай ответил:

— Нет. Я никогда не ночую вдали от своей лодки. Но, возможно, часть людей оставлю в пещере.

Разумеется, мы старались внушить им, что останемся в бухте до завтра. Мне кажется, между вождями существовало разногласие относительно времени нападения: старик хотел действовать немедленно, а Ифоу предпочитал дожидаться ночи. Они снова заговорили между собой тем образным языком, которого мы не понимали.

Блай едва слышно сказал нам:

— Будьте готовы. Если они сделают хоть одно враждебное движение, убьём обоих и провёмся к шлюпке.

Положение наше было крайне тяжёлым. Начать нападение первыми мы не могли, но дошли уже до того состояния, когда любое действие, каким бы отчаянным оно ни было, казалось лучше дальнейшего ожидания.

Ифоу снова обратился к Нельсону:

— Передай своему капитану, что мы проведём ночь здесь. Завтра я пойду с вами в лодке на Тонгатабу.

Нельсон перевёл.

— Хорошо, — ответил Блай.

Вожди отошли. Но пройдя пятнадцать-двадцать шагов, Макка-аккаво вдруг повернулся. Выражение его лица я не забуду никогда.

— Вы не останетесь ночевать на берегу? — спросил он снова.

— Что он сказал, Нельсон? — спросил Блай.

Нельсон перевёл.

— Чёрт его побери, скажите ему — нет!

Нельсон передал ответ значительно длиннее и дипломатичнее. Вождь стоял лицом к нам, быстро поглядывая по сторонам на своих людей. Затем произнёс короткую фразу и стремительно ушёл.

— Что он сказал, Нельсон? — спросил Блай.

Нельсон мрачно улыбнулся.

— *Те мо мате гимотолу*. Теперь их намерения яснее некуда.

— Что это значит?

— «Тогда вы умрёте».

Поведение Блая в эти минуты было выше всяких похвал. Видеть, каким он становился перед лицом смертельной опасности, — значит получить воспоминание на всю жизнь.

Он оставался совершенно спокойным, мыслил ясно и говорил с нами тихо, почти весело:

— Сейчас или никогда, ребята. Холл, быстро раздайте воду, которую принёс мистер Коул.

Калекасу поспешно передавали из рук в руки. Мы понимали: донести её до шлюпки уже не удастся. Каждый сделал несколько хороших глотков — после трёх дней жёсткого ограничения они были необходимы. Всё это время левой рукой Блай крепко держал Нагити за руку, а в правой сжимал саблю.

Если нам предстояло погибнуть, капитан твёрдо решил, что Нагити погибнет вместе с нами. Я до сих пор не могу сказать, действительно ли этот человек относился к нам дружелюбно или лишь играл свою роль. Склоняюсь всё же к мысли, что сердце его было столь же вероломным, как у остальных.

Блай заранее установил порядок нашего движения к берегу. Коул, также вооружённый саблей, встал с другой стороны от Нагити рядом с капитаном. Остальные построились за ними. Перселл и Нортон замыкали колонну.

— Вперёд, ребята! — сказал Блай. — Покажем этим мерзавцам, как ведут себя англичане, когда их прижали к стене!

Мы двинулись к пляжу. Все шли в каком-то безмолвном ужасе. Думаю, спасла нас только быстрота и неожиданность этого движения. Стоило нам хоть немного замешкаться — нас перебили бы всех. Но Блай повёл прямо вперёд, навстречу большой группе островитян, стоявшей между нами и шлюпкой. Они расступились.

Я до сих пор помню почти невероятное изумление, которое испытал, когда мы прошли сквозь их строй и я понял: я всё ещё жив. До самого пляжа никто не произнёс ни слова и никто не поднял на нас руки. Фрайер, конечно, заметил наше приближение. Он потравил канат и подвёл шлюпку почти к самому берегу — примерно на шесть шагов, туда, где глубина составляла около четырёх футов.

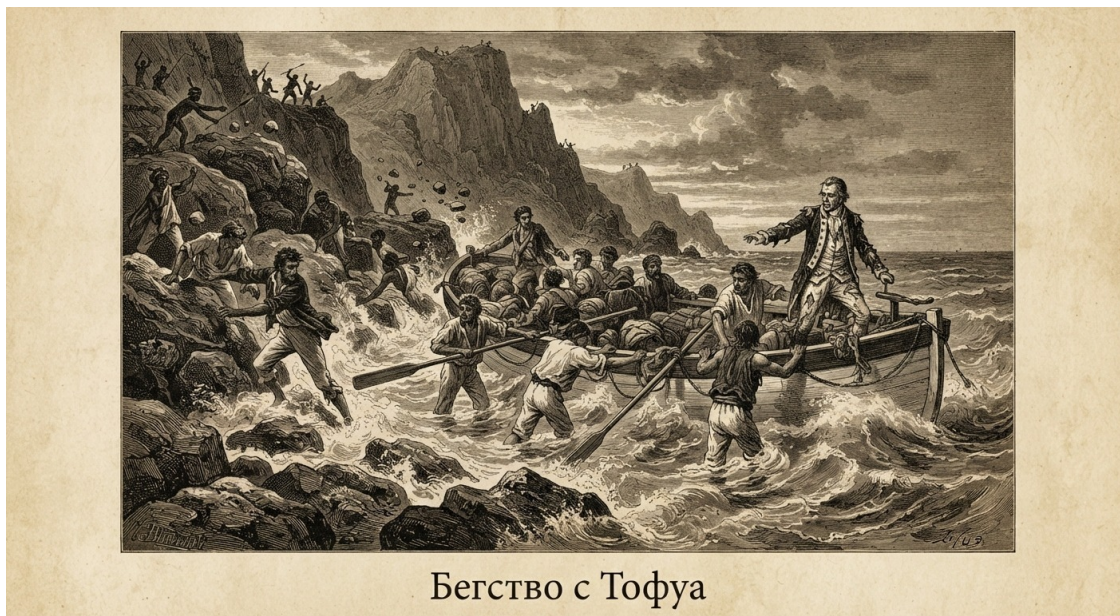
— В лодку, ребята! Живее! — крикнул Блай. — Перселл, оставайтесь со мной! И вы, Нортон!

Не прошло и половины минуты, как все оказались в шлюпке, кроме Блая и двух оставшихся с ним людей. В этот момент Нагити вырвался и побежал вверх по пляжу. Блай и Перселл бросились к лодке, разумно оставив береговую кошку на месте. Но Нортон, которого Блай считал идущим прямо за ним, вдруг повернул назад — за кошкой.

Мы кричали ему:

— Брось её! Оставь!

Он либо не услышал, либо не захотел услышать. Туземцы уже пришли в движение. Через мгновение они окружили Нортон. И разбили ему голову камнями.

Бегство с Тофуа

Тем временем мы втащили Блая и Перселла в шлюпку и взялись за вёсла. Островитяне схватили канат, удерживавший нас у берега, но Блай одним ударом сабли перерубил его. Люди в носовой части начали выбирать канат второй кошки. И тут, к нашему ужасу, оказалось, что один из её рогов зацепился за дно.

Мы потеряли две или три бесценные минуты, прежде чем удалось её освободить. Нам невероятно повезло, что туземцы почти не имели оружия. Будь у них копья или луки, едва ли

хоть одному из нас удалось бы уйти. Из копий мы видели только те, что принадлежали двум вождям.

Макка-аккаво метнул своё. Оно пролетело всего в нескольких дюймах от головы Пековера и упало в воду примерно в двенадцати ярдах за лодкой. Зато сам пляж давал нашим врагам неисчерпаемый запас камней. На нас обрушился настоящий град. Не будь мы уже ярдах в тридцати от берега, несколько человек наверняка разделили бы судьбу Нортон.

Перселл получил тяжёлый удар по голове и потерял сознание. Ещё несколько человек серьёзно пострадали. Метали островитяне с удивительной скоростью и точностью. Мы защищались чем могли — главным образом узлами с одеждой, держа их перед собой как щиты. Тем временем люди в носу отчаянно тянули вторую кошку.

Наконец она вырвалась со дна — один из рогов оказался сломан. Блай у румпеля находился в наиболее открытом месте. От тяжёлой травмы его спасли Элфинстон и Коул, прикрывавшие капитана досками от пайолов кормовой части. Мы начали удаляться. Но вероломные мерзавцы ещё не закончили. Они спустили на воду каноэ, нагроулили его камнями, и около дюжины мужчин вскочили внутрь, бросившись за нами.

Шестеро гребцов работали изо всех сил, но шлюпка была настолько перегружена, что преследователи быстро сокращали расстояние. Мы уже вышли из бухты и потеряли из виду толпу на пляже, когда каноэ настигло нас. Теперь мы оказались полностью в их власти. Камни летели с такой убийственной точностью, что лишь чудом никто больше не погиб.

Несколько камней упали прямо в шлюпку. Мы стали бросать их обратно. К нашему удивлению, один камень, пущенный боцманом, угодил гребцу каноэ точно в лицо. Но это была случайная удача. Даже имея запас камней, мы не могли бы соперничать с островитянами в такой борьбе. Чтобы отвлечь их внимание, мистер Блай начал выбрасывать в море предметы одежды.

К нашей радости, преследователи останавливались, чтобы подобрать их. Темнело. К тому же камней в каноэ оставалось уже немного. Наконец туземцы прекратили погоню и вскоре исчезли за мысом у входа в бухту. Мы всё ещё не были уверены, что следом не отправятся другие, поэтому продолжали грести прямо в открытое море, пока не поймали ветер.

Поставив паруса, мы наконец вышли из опасности. Следующий час я провёл, оказывая помощь раненым. Всего их было девять. Особенно сильно пострадал Перселл. Камень задел его голову по касательной, рассёк кожу и лишил сознания. Но когда я смог заняться им, он уже сидел и выглядел так, словно перенёс удар, который убил бы большинство других людей.

Осмотр убедил меня, что череп, вероятнее всего, не повреждён. На рану пришлось наложить полдюжины швов. Элфинстон сломал два пальца правой руки, когда прикрывал капитана Блая. Ленклеттер получил глубокую рану вдоль скулы. У остальных были в основном сильные ушибы. Хуже всех среди них пришлось Холлу: камень попал ему прямо в правую часть груди и едва не выбил за борт.

Можно представить, с какой благодарностью к Богу мы смотрели, как Тофуа постепенно исчезает за кормой. Теперь, когда появилось время подумать, мы впервые по-настоящему осознали весь ужас опасности, которой только что избежали. Гибель Нортон омрачила всех. Но тогда мы почти не говорили о нём. Слишком свежа была картина его смерти, и нам всё ещё чудились крики людей, которые его убили.

Капитан Блай тяжело переживал потерю и винил себя за то, что заранее не приказал оставить береговую кошку в случае опасности. Но вины его здесь не было. Никто не мог предвидеть, что произойдёт на пляже. Да и бедный Нортон сам должен был понимать безумие попытки спасти железо в такую минуту.

И всё же поступок его был проявлением такой отваги, на какую способны немногие. Ветер с востока-юго-востока усиливался по мере удаления от острова. Темнота сгущалась, и

вскоре Тофуа исчез совершенно — лишь зловещее сияние вулкана ещё отражалось на облаках. Мы навели в шлюпке возможный порядок и заняли места, назначенные Блаем на ночь.

Из продовольствия у нас оставалось около ста пятидесяти фунтов сухарей, за вычетом нескольких унций, съеденных на Тофуа; двадцать фунтов свинины; тридцать один кокос; шестнадцать плодов хлебного дерева и семь ямсов. Плоды и ямсы, приготовленные на берегу, во время нападения были растоптаны ногами. Но даже эту грязную кашу мы собрали и впоследствии съели.

Воды оставалось двадцать восемь галлонов — ровно столько, сколько мы забрали с «Баунти». Вина осталось всего три бутылки, рома — пять кварт. И тогда состоялся совет, который я не забуду никогда. Ветер вынуждал нас идти почти в направлении, прямо противоположном Аннамук и Тонгатабу. Первым заговорил Фрайер.

— Теперь мы знаем, чего ждать от туземцев, сэр. Без оружия на любом другом острове повторится Тофуа. И второй раз нам может уже не повезти. Прошу вас продолжать идти этим курсом — в сторону дома.

К его словам присоединились другие. Сомнений не было: все предпочитали риск открытого моря опасностям, которые почти наверняка ожидали на островах. Блай позволил себя убедить. Думаю, в действительности он и сам намеревался предложить тот же план, если бы никто другой не высказался первым. Но капитан хотел, чтобы каждый вполне понимал, на что мы решаемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.